

«Да это же сам Главный евнух Императорского двора!» — Маркиз У-ань расхохотался от души и поспешно жестом велел старшему сыну пригласить гостя. — «Главный евнух, внезапный визит... значит ли это, что Его Величество прислал важный приказ?»

Вэнь Цзинь невольно усмехнулся про себя, глядя на то, как маркиз подыгрывает ему. В сравнении с этим скрытным и проницательным человеком, молодой господин Сюй был сущим простаком.

— «Это не повеление Его Величества», — Вэнь Цзинь вынул письмо из рукава и протянул его маркизу. — «Я пришёл только для того, чтобы передать письмо господину Сюю. Маркиз, не прочтёте ли вы сначала, что там написал ваш сын, а уж потом мы обсудим всё остальное?»

Маркиз У-ань с колебанием взглянул на евуа, затем опустил голову, развернул письмо на столе и бегло пробежал глазами размашистые строки, почерк которых так напоминал его собственный. Глаза его медленно округлились. Потом он уже осторожно перечитал письмо от начала до конца.

Вэнь Цзинь молча наблюдал за маркизом. Вспомнив облик госпожи У-ань, он пришёл к выводу: яркие и чистые большие глаза молодого господина Сюя были как у отца, а вот тонкие, красивые черты лица удивительно походили на матушку.

Содержимое письма так потрясло маркиза, что он сам начал сомневаться в себе. Поманив старшего сына, он передал ему письмо:

— «Нет, нет... Отцовское зрение уже подводит. Быстро, глянь, что там Ах Цин написал?»

Слова родного отца были просто невозможны для восприятия. Сюй Сяньчжи взял письмо с выражением откровенного пренебрежения, но вскоре и его лицо стало крайне мрачным.

Письмо Сюй Яньцина оказалось предельно коротким и ясным, даже с пунктами. Если изложить суть, то она была такова:

1. Отец, мать, старший брат, сообщаю: я благополучно добрался до столицы. Сильно не волнуйтесь.
2. Сейчас я живу в императорском дворце, потому что ребёнок у меня в животе — от Императора. По дороге, когда я бежал в родовое поместье, неожиданно встретил Его Величество, который тайно путешествовал на юг, — поэтому скрыть это уже не вышло.
3. Если соскучитесь — приходите во дворец. Я жду вас там. (И ещё, я — жертва, так что прошу отца, если будете меня бить, хоть немного пощадите.)

Остальное было сплошной чепухой, написанной этим маленьким негодником, Сюй Яньцином. Сюй Сяньчжи, с усилием поворачивая затёкшую шею, взглянул на отца, пальцы которого уже сжались в кулаки.

— «Отец, похоже, и глаза у меня тоже не в порядке. Ах Цин, оказывается, пишет, что беременен от Императора. Ты думаешь, у него мозги набекрень из-за беременности? Вот он и осмелел, решил лезть выше своей головы и ещё Императора втянул? Если всё так, то сколько нам придётся заплатить, чтобы вытащить его из тюрьмы?»

В голове Сюй Сяньчжи уже рисовалась картина: род У-ань спускает всё своё состояние, лишь бы спасти бедного младшего брата из тюрьмы. Как же ему не повезло — совсем юный, а уже

умом тронулся. А после тюрьмы и родов, глядишь, и ребёнок таким же тугодумом станет.

Видя, как маркиз с сыном всё больше уносятся в своих нелепых догадках, Вэнь Цзинь невольно дёрнул уголком губ. Наконец, среди их безумных фантазий он вставил:

— «Маркиз, господин, вы шутите...»

Он ещё не успел договорить, как маркиз У-ань, едва сдерживая слёзы, перебил его:

— «Главный евнух, не надо нас утешать! Всё из-за этого сорванца, Сюй Яньцина, но он ещё молод, а теперь ещё и беременный. Прошу вас, скажите Императору пару добрых слов, пусть пощадит ему жизнь!»

Голос маркиза звучал до того жалобно, что Вэнь Цзинь дождался конца его театра и только тогда спокойно сказал:

— «Император — истинный дракон, и, разумеется, не ошибётся в крови. Раз уж господин Сюй носит дитя Его Величества, Император, естественно, будет оберегать и лелеять его. Откуда же взяться нарушению закона?»

Опасаясь, что маркиз снова впадёт в безумие и перебьёт, Вэнь Цзинь глубоко вздохнул и скороговоркой произнёс всё, что хотел, глядя на ошеломлённого отца с сыном:

— «Предположу, что молодой господин уже всё объяснил в письме. Если маркиз, госпожа и господин пожелают посетить дворец, просто дайте знать слуге. Мне же пора возвращаться: Его Величество поручил дела, и задерживаться не к месту. Прощаюсь!»

Как бы велики ни были их потрясение и смятение, приличий они не нарушили: маркиз У-ань и Сюй Сяньчжи проводили евнуха до самых ворот особняка, а вернувшись в кабинет, оба были мрачнее тучи.

Увидев, как муж и сын вышли проводить главного евнуха, госпожа Су, всё это время прятаясь за ширмой, наконец вышла. Она подняла письмо со стола, пробежала глазами строки — и застыла, совершенно ошеломлённая.

В этот момент вернулись маркиз У-ань и Сюй Сяньчжи. Госпожа Су, словно очнувшись от забытья, растерянно прошептала:

— «Ах Цин пишет, что беременен от Императора?»

Маркиз подошёл и обнял жену.

— «Похоже, так и есть. Завтра, когда пойдём во дворец, всё узнаем точно».

Сказав это, маркиз невольно тяжело вздохнул. Он сам не мог взять в толк, как его своевольный младший сын оказался связан с таким величественным и сдержанным человеком, как Император.

Сюй Сяньчжи до сих пор пребывал в полном смятении. Ещё несколько месяцев назад он внезапно услышал, что младший брат носит ребёнка от какого-то проходимца, и тогда его так взбесило, что он был готов разыскать этого мерзавца и избить до полусмерти. Но как случилось, что спустя несколько месяцев младший брат сообщает: тот «проходимец» — ныне правящий Император?

Старший брат был ошарашен. Старший брат был совершенно выбит из колеи.

—

Передав письмо, Вэнь Цзинь быстро вернулся в дворец Чаньсинь, чтобы доложить обстановку. Солёная рыбка в это время сидела в лежащем кресле, раскачиваясь взад-вперёд и вертя в руках зелёный лист, упавший с дерева, — вид имел совершенно безмятежный.

На деле же внутри этой солёной рыбки всё вовсе не было спокойно. Хотя в прошлой жизни родственные узы были для него слабым звеном, в этой всё обстояло иначе, и потому он особенно дорожил трудно обрётённой близостью после переселения в книгу.

Отец, мать и старший брат всегда любили его безмерно, и Сюй Яньцин, разумеется, не хотел причинять им боль.

Поэтому, увидев вошедшего Вэнь Цзиня, он рывком поднялся с кресла. Инь Яньцзюнь, сидевший рядом с чаем, подошёл и поддержал его.

— «Главный евнух передал письмо отцу и матери?» — Сюй Яньцин моргнул, в глазах сквозила тревога.

Под холодным взглядом Императора Вэнь Цзинь поспешил доложить:

— «Доношу молодому господину: письмо доставлено маркизу У-ань и госпоже. Однако они немного колеблются. Скорее всего, завтра пожелают предстать во дворце».

Сюй Яньцин вздохнул с облегчением и похлопал себя по гулко колотящемуся сердцу, ощущая, будто наказания ему всё равно не избежать. Ладно, пусть бьют. Лишь бы отец, мать и брат не держали зла.

— «Молодой господин, вам незачем тревожиться. Завтра я сам вызову маркиза во дворец и всё подробно объясню». Он поднял руку и слегка ущипнул нахмурившееся личико. Величественный и сдержанный даосский наставник Сюаньчэнь всё чаще позволял себе подобные вольности.

Солёная рыбка решительно покачала головой:

— «Наставник, сначала я сам увижу отца с матерью, а потом поговорим!» С его отцовским нравом, если тот услышит обо всём первым от Наставника, решит ещё, что младший сын осмелел до непочтительности и хочет давить на родителя Императором. Ещё хуже достанется.

Так что солёная рыбка без раздумий отвергла любезное предложение Наставника.

Подумав об этом, он вяло снова опустился в лежак и, не удержавшись, потянул за рукав Наставника, прикрывая лицо:

— «Не хочу ничего знать, не хочу! Что так, что этак — один удар меча. Вот придут отец с матерью, тогда и поговорим!»

Инь Яньцзюнь, чувствуя, как юный господин цепляется за его рукав, придвинул табурет и сел рядом. Взял со стола веер и стал обмахивать его.

Погода сегодня была на редкость хороша — не слишком жарко, особенно под густой кроной. Но у молодого господина тело было горячее, и после короткого разговора на лбу уже

выступили капельки пота.

Наверное, только эта солёная рыбка могла позволить себе роскошь, чтобы сам Император обмахивал его веером. Юный господин, прячущийся под рукавом Наставника, невольно предался грёзам, а потом и вовсе задремал.

Через несколько дней во дворце должно было состояться грандиозное торжество — встреча посланников со всех стран. Инь Яньцзюнь был без устали занят подготовкой, но всё же выкраивал время, чтобы побыть рядом с этим юным господином.

Солнце за окнами становилось всё ярче. Инь Яньцзюнь осторожно поднял юного господина на руки. Тот уже привык к запаху даосского наставника, и, едва оказавшись в объятиях, во сне невольно прижался к его груди.

Молодой господин спал сладко. У Инь Яньцзюня непроизвольно тронулись губы в лёгкой улыбке. Он бережно унёс его в покои и мягко уложил на постель.

Стоило ему подняться, как Инь Яньцзюнь почувствовал сопротивление. Лишь тогда заметил, что юный господин крепко вцепился в его лацкан.

На лице спящего юноши сохранилась детская мягкость, в этой неуклюжей доверчивости было что-то особенно трогательное. Инь Яньцзюнь аккуратно сжал его ладонь — и тот послушно разжал пальцы.

Не спеша подняться, Инь Яньцзюнь провёл длинными светлыми пальцами по тонким бровям и глазам юного господина, скользнул ниже — к губам. Спящий юноша вдруг бессознательно прикусил его палец, издав мягкий чмок.

Инь Яньцзюнь невольно вздрогнул. К счастью, тот чуть повернул голову и выпустил палец изо рта. Сюй Яньцин пошевелился и погрузился в ещё более сладкий, глубокий сон.

У дверей раздался тихий стук. Вэнь Цзинь поднял руку и почтительно доложил:

— «Министр Ши из Ритуального управления и замминистра Чжан из Министерства обрядов просят аудиенции у Его Величества».

Глядя на спящее лицо юного господина, Инь Яньцзюнь тяжело, с каким-то особым смыслом, вздохнул. Наконец он поднялся с края ложа и вышел из покоев.

— «Проведи их в боковой зал».

— «Есть», — ответил Вэнь Цзинь.

Опасаясь за здоровье юного господина, Инь Яньцзюнь сразу по возвращении в столицу приказал перенести все свои дела в боковой зал Чаньсиньского дворца.

К счастью, он не додумался поселить эту солёную рыбку в Ханьянском дворце, предназначенном исключительно для Императора. Случись такое — юный господин, пожалуй, в ужасе собрал бы узлы и сбежал напрямик в родовое поместье.

Министр Ши из Ритуального управления и замминистра Чжан из Министерства обрядов были сразу проведены в боковой зал Чаньсиньского дворца. По пути они многозначительно переглянулись, оба полные недоумения, и, пока гадали, уже оказались у порога.

Император, облачённый в свободное даосское одеяние, сидел за столом и просматривал меморандумы. Некогда было размышлять: оба сановника поспешили вперёд и поклонились:

— «Смирненные слуги приветствуют Ваше Величество!»

— «Встаньте», — спокойно поднял руку Инь Яньцзюнь. — «Что заставило вас двоих явиться вместе?»

— «Доносим до Вашего Величества: посол государства Силин уже прибыл в столицу», — министр Ши поклонился и возложил меморандум на стол Императора.

Государство Силин было первым вассалом, склонившимся перед Даляном. Их правитель, Тоба Яньхуэй, был человеком расчётливым и разумным: понимал, что против Даляна у него нет ни малейшего шанса.

Поэтому они подчинились ещё в самом начале. За столько лет торговли с Даляном Силин стал по-настоящему процветающим.

Инь Яньцзюнь раскрыл меморандум, бегло пробежал взглядом и небрежно закрыл.

— «Через три дня примите посла Силина в Цинъюаньском дворце. Это дело поручаю вам обоим».

— «Смирненные слуги повинуются», — снова склонились министр Ши и замминистр Чжан.

Пришли они и ушли быстро. Уже у ворот дворца замминистр Чжан не выдержал:

— «Слыхал я, что в Чаньсиньский дворец переселился какой-то высокий человек. Министр Ши, вам что-нибудь известно?»

— «В Чаньсиньском дворце не всякий может жить», — вздохнул министр Ши и обменялся взглядом с собеседником. — «Теперь ещё и сам государь поселился там... Боюсь, для Даляна грядёт радостное событие».

— «А ведь Его Величеству уже под тридцать. Если там и впрямь обитает столь знатная особа, это и вправду радость!» — замминистр Чжан даже всплеснул руками от удовольствия.

Однако, будучи во дворце, они, разумеется, не осмеливались говорить лишнее. Всё же это касалось личной жизни государя. Скажешь лишнее — обидишь императорское достоинство. Государь, как бы мягок и благодушен ни казался на виду, в глубине был величественен и неприкосновенен.

—

Ничего не ведая о всех этих пересудах, солёная рыбка, позавтракав на следующий день, наконец с волнением встречал отца и мать.

А старшего брата тем временем Император задержал в Нефритовом кабинете для беседы.

Страусиная солёная рыбка выглянула из-за двери на входящих родителей, не удержался и одарил маркиза с госпожой самой заискивающей улыбкой.

Госпожа Су не могла не заметить, как нервничает младший сын. Сердце её сжалось от жалости, но сдержаться она не сумела: подошла и больно дёрнула его за ухо.

— «Ты, Сюй Яньцин, расправил крылья, да? Такое небо и землю переворачивающее дело от отца с матерью скрыл! Убить нас вздумал?!»

— «Ай, мама, полегче! Ухо же оторвёшь!» — юный господин скорчил самую жалобную мину, хотя госпожа Су вовсе не тянула сильно.

Му Ю, стоявший в стороне, едва сдержал смешок. С его юным хозяином так было с детства: что бы ни натворил, стоило хозяйке узнать — он тут же превращался в бедняжку, умоляющего о пощаде.

Вэнь Цзинь и Му Ю переглянулись, бросили своего гримасничающего молодого господина на милость родительского гнева, закрыли двери зала и благообразно оставили семейство разбираться без свидетелей.

Всё-таки это был ребёнок, которого она с таким трудом растила. Госпожа Су прекрасно знала характер своего младшего. На этот раз этот негодник натворил уж слишком. Так просто она его не отпустит. Держа сына за ухо, она медленно усадила его на стул:

— «Ну, выкладывай. Сколько ты ещё собирался скрывать от отца с матерью?»

Пока жена отчитывала сына, маркиз У-ань сидел с чашкой чая, спокойно наблюдая спектакль. Отхлебнул — и понял, что в чашке просто тёплая вода.

Маркиз метнул на младшего сына выразительный взгляд и благообразно промолчал. Всё равно в воспитании шkodливого ребёнка его жена всегда была сильнее.

— «Мама, мама, ну правда же, ухо оторвётся!» — бедняжка заморгал влажными глазами, старательно пытаясь разжалобить свою безжалостную мать.

Госпожа Су холодно фыркнула, наконец отпустила красное ухо сына. Но, глядя на явно округлившийся животик, почувствовала, как нахлынула материнская нежность. Лишь с трудом удержала на лице тень строгости:

— «Быстро расскажи, что у тебя с императором?»

Солёная рыбка молча коснулся разогревшегося уха и осторожно взглянул на мать, у которой на лице всё ещё читалось недовольство.

— «С даосским наставником у нас... просто нелепая случайность, честно, клянусь!»

Маркиз У-ань, слыша, как сын раз за разом называет государя «даосским наставником», невольно поднял взгляд на убранство дворца, вспомнил его название — и как не понять, что император всё давно распланировал?

Однако маркиз умел прикинуться дурачком. Он с грохотом поставил чашку на стол:

— «Тогда рассказывай по порядку. Совпадение или нет, у отца с матерью времени много — дослушаем до конца».

Юный господин вздрогнул от резкого звука. Госпожа Су тут же легонько стукнула мужа по руке:

— «Ты что творишь? Так ребёнка пугают?»

Маркиз взглянул на жену с видом страдальца. Дома они ведь договаривались быть «холодными и безжалостными», чтобы вытянуть из младшего правду. С чего это она внезапно переметнулась?

Сюй Яньцин мысленно показал себе большой палец и с надрывом продолжил:

— «Изначально я жил себе спокойно в Юньшуйском дворе и собирался подсыпать кое-что Су Ханьфэну. Но этот подлый тип подменил чай, и я сам выпил то, что предназначалось ему. После чего в состоянии аффекта забрёл в соседний двор. Ну и... под действием лекарства я... сделал это с даосским наставником».

Что император тоже был отравлен афродизиаком — это была государственная тайна, и Сюй Яньцин раскрывать её не собирался.

Так что он лишь слегка обошёл углы:

— «В тот момент я только и думал, что опозорил похожего на небожителя даоса из соседнего двора. А наутро проснулся и безответственно сбежал. Так что если разобраться, даосский наставник — тоже бедняга, которого я насильно обесчестил».

Решительный и величественный государь в устах младшего сына превратился в «несчастную жертву». Видимо, император действительно очаровал его до глубины души. Маркиз У-ань, почувствовав, что ухватил ниточку истины, холодно хмыкнул:

— «Дальше. Почему, после того как ты спокойно отдыхал в родовом имении, вдруг опять пересёкся с императором во время его тайного визита?»

Что значит «пересёкся»? Солёная рыбка презрительно покосился на отца и мысленно осудил его поверхностность.

Но, под его тяжёлым взглядом, честно ответил:

— «Я и правда жил спокойно. Просто император приехал в деревню с лекарями из клиники на благотворительный осмотр. В тот день внезапно ливень, я уже спал. А утром узнал, что государь с людьми заночевал в нашем дворе».

— «Ха, полная чепуха!» — маркиз так и хотел грохнуть по столу, но госпожа Су метнула на него ледяной взгляд. Он благоразумно убрал руку, только крепче сжал чашку, едва не раздавив. — «Даже если император укрывался от дождя, то, когда небо прояснилось, должен был уйти. И как, скажи на милость, император узнал, что ты, молодой парень, беременен от него?!»

— «А вот в этом вся вина этой маленькой фасолины, которая до сих пор не родилась», — солёная рыбка вздохнул с обречённостью и стал по пунктам объяснять своё состояние. — «Короче, я сейчас в императорском дворце не потому, что не хочу домой, а потому что этот маленький бобчик в животе не может жить без заботы своего папочки-императора».

Солёная рыбка был невиновен, и потому решительно свалил всю ответственность на безмолвного, ещё не рождённого бобчика. План идеален.

Услышав, как младшенький жалобно описывает, как его рвало по утрам, госпожа Су не удержалась — ласково провела ладонью по пухленькой щёчке сына:

— «Ну что, тебе теперь полегче?»

Молодой господин послушно подставил лицо под материнскую руку и кивнул:

— «Когда даосский наставник пожил у нас в имении пару дней, мне стало лучше на семьдесят-восемьдесят процентов. Видимо, маленькая фасолинка скучала по папочке-императору. Но вот по дороге в столицу, пока несколько дней ехал в карете, пару раз вырвало. Зато теперь, после отдыха, мне гораздо лучше».

— «Хорошо, что тебе уже легче, хорошо...» — вздохнула госпожа Су. Всё-таки он был младшеньким, любимчиком, которого они так растили. И теперь, несмотря на то что он мужчина, ему пришлось терпеть муки беременности и родов... Эта мысль разрывала её сердце. В нём закралось даже лёгкое раздражение на императора.

Люди иногда такие эгоистичные. Хотя ведь государь тоже в этом деле был невинной жертвой.

Но всё равно больше всех страдал её сын. Поэтому госпожа Су мысленно встала на его сторону безоговорочно.

Маркиз У-ань тяжело вздохнул. Что бы там ни было правдой, а что — выдумкой, он медленно произнёс:

— «Значит, теперь ты собираешься насовсем остаться во дворце?»

— «Сначала родится маленькая фасолинка, а там посмотрим!» — при этих словах Сюй Яньцин инстинктивно поднял руку и похлопал себя по животу.

От этого движения госпожа Су едва не лишилась чувств. Быстро отмахнула руку сына и сама осторожно погладила его заметно округлившийся живот. Маленькая фасолинка оказалась очень любезной к бабушке — тут же толкнула ножкой в ответ.

— «Ох, силёнок-то сколько! Прямо как ты в детстве — такой же шустрый». Госпожа Су вздохнула с нежностью. А потом взглянула на ленивого младшенького и с лёгким упрёком добавила:

— «Не понимаю, как из тебя вдруг вышел такой маленький ленивец... Но всё равно мамин хороший ленивец».

Солёная рыбка усмехнулся. Ленив — это ведь не просто удовольствие, это целая великая философия.

Маркиз У-ань ревниво посмотрел на руку жены, лежащую на животе сына, и с кислой интонацией произнёс:

— «А когда ребёнок родится, ты хоть думал, что дальше будешь делать?»

Про себя солёная рыбка уже давно решил обсудить этот вопрос с даосом — и использовать маленькую фасолинку как аргумент. В будущем ему понадобится помощь наставника каждые три месяца, чтобы справляться с этими изматывающими циклами жара. С таким добрым и заботливым человеком, как даос, проблем не будет — точно не откажет.

Поэтому Сюй Яньцин лишь потер ухо и сказал вслух:

— «Естественно, домой пойду! Ты что, хочешь оставить меня во дворце?»

Но тогда придётся расстаться с даосом. Подумав об этом, солёная рыбка ощутил в сердце тупую ноющую боль. Что это было за чувство, он сам не понимал.

Увидев его такую серьёзность, маркиз У-ань только холодно усмехнулся про себя. Ага, боится он за своего глупого сына: что его проглотят целиком, а потом сладкими речами вскружат голову так, что о доме и не вспомнит!

Такой, как император, продумал всё до мелочей ради их Ах Цина. Даже помнит такие пустяки, как то, что беременным нельзя пить чай. Разве он так просто отпустит его домой?

А глупый сынок даже не замечает, что государь всё давно просчитал, и до сих пор верит, что вернётся домой... Уж слишком тугодум. Выходит, императору на пути к сердцу его дурачка придётся порядком набить шишек.

Маркиз У-ань ухмыльнулся про себя, сохраняя серьёзную мину. Он поклялся: если когда-нибудь увидит императора в глупом положении, уж точно не упустит случая посмотреть на это во всей красе.

— «Ваше Величество!» — голос Вэнь Цзина раздался за дверью.

<http://bllate.org/book/12638/1120957>